

ПЕРВАЯ ЗАПИСЬ ПЕСНИ ОБ АНДЕМИРКАНЕ

Гутов Адам Мухамедович, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), adam.gut@mail.ru

Шора Бекмурзович Ногмов первый исследователь в истории адыгской фольклористики, который упоминает имя эпического героя Андемиркана как реальной личности. Он же первый, кто записал текст песни о данном фольклорном персонаже. В настоящей работе дается транслитерация записей, выполненных адыгским просветителем и впервые опубликованных профессором Г.Ф. Турчаниновым (это два фрагментарных варианта песни об Андемиркане). Тексты сопровождаются обстоятельными научными комментариями исследовательского характера. Заново, с учетом материалов издания, подготовленного Г.Ф. Турчаниновым, выполнен структурно-аналитический перевод на русский язык в соответствии с принципами, которые были выработаны для серийного издания Антологического свода адыгского фольклора. Наряду с этим здесь же намечается вектор для диахронического анализа поэтического текста: устанавливаются отдельные слова и словесные блоки, которые составляют константную, неизменяющуюся, или же изменяющуюся в незначительной степени, часть фольклорного текста. Также определяются и выделяются в поэтическом тексте словесные блоки и упоминания о явлениях, которые нехарактерны для записей более позднего времени. Сопоставление выделенных категорий слов и словосочетаний призвано определить степень устойчивости поэтического текста в течение длительного времени.

Ключевые слова: Андемиркан, эпический герой, устойчивость фольклорного текста, формулы, транслитерация, аналитический перевод.

Устойчивость фольклорного поэтического текста – одна из проблем, которые не имеют однозначного решения. С большей или меньшей долей обстоятельности ее затрагивали многие отечественные и зарубежные ученые, в числе которых Ю.М. Соколов [Соколов 1940: 232–234], А. Лорд [Lord 2000: 30–67], П.Г. Богатырев [Богатырев 1971: 393–420] В.М. Гацак [Гацак 1971: 7–46] и многие другие. Несмотря на все иные расхождения во взглядах, суждения разных авторов сводятся к тому, что при рассмотрении данной проблемы важно учитывать совокупность разных факторов, в том числе жанр рассматриваемого произведения, этнокультурные традиции, сложившиеся в данном языковом сообществе, индивидуальные способности исполнителя, а также некоторые иные обстоятельства. На материале адыгского фольклора вопрос об устойчивости текста героико-исторических песен рассматривал З.М. Налоев, отметивший, что в адыгской песенной традиции существовал целый перечень приемов, направленных на обеспечение максимальной сохранности песенного текста, передаваемого изустно [Налоев 2009: 78–79]. Однако какими бы интенсивными ни были эти приемы и средства, фактом остается то, что фольклорный текст вариативен, и хотя это родовое свойство можно иногда регулировать в известных пределах, сводя варьирование к какому-то минимуму, исключить его полностью невозможно, пока существует практика устной трансмиссии.

В свете сказанного мы ставим своей целью рассмотреть в историко-сравнительном плане разновременные записи одного произведения. На примере

пшинатля из нартского эпоса нами в свое время была предпринята одна такая попытка [Гутов 1993: 114–131]. Однако старшая и младшая разновидности адыгского эпоса существенно различаются и в содержательно-тематическом плане, и в плане поэтики. Поэтому мы обратились к первой по времени записи песни об Андемиркане [Ногма 1956: 111–117], пожалуй, самом популярном герое историко-героического эпоса адыгов, и попытались установить некоторые особенности текстовых изменений, которые могут быть связаны с фактором времени.

Варианты песни, посвященной Андемиркану, записаны фактически на всей территории исторического расселения адыгов. Последние по времени записи ее относятся к концу XX в. Впервые же зафиксировал песню и сообщил сведения о самом герое Ш.Б. Ногмов в 30 годы XIX в. В его «Истории адыгейского народа» имеется упоминание о князе Хайдемирхане, сыне князя «Мударафа и второй жены его из низшего класса народа» [Ногмов 1861: 147]. Правда, ему посвящен всего один абзац, но не вызывает сомнений, что автор имеет в виду именно Андемиркана, хотя данная ему Ногмовым характеристика не очень лестна для традиционно сложившегося образа эпического героя: Хайдемирхан, по сведениям Ш.Б. Ногмова, является сыном Мударафы (фольклорный и исторический князь Мудар-Хафа, который фигурирует также в ряде вариантов сказания о рождении Андемиркана, записанных сто и более лет спустя после Ш.Б. Ногмова). Согласно его сведениям, герой участвовал в военных предприятиях верховного князя Кабарды *Берслана* (прототип Беслана – Пцапцы из сказаний об Андемикане), но впоследствии он стал бунтарем, который доставлял всему обществу много неприятностей, что и послужило поводом для коварной расправы над ним [Ногмов 1861: 147]. Проф. Г.Ф. Турчанинов опубликовал два варианта песни об Андемиркане, записанные просветителем, как можно полагать, в 30-е годы XIX века. Оба они представляют не более чем фрагменты произведения, более пространныго по объему: первый вариант насчитывает всего 16 стихов, второй – 14. В то же время согласно сведениям, собранным фольклористами в XX столетии, песня состояла из семи частей-*едзыгъуэ*, каждая из которых должна была быть по объему такой же или не многим меньше, чем вариант в записи Ш.Б. Ногмова [Аутлева 1973: 42–43]. Так, в записи, опубликованной П.И. Тамбиевым в 1998 г., насчитывается 64 стиха, и это составляет всего лишь три части из предполагаемых семи [СМОМПК 1898: 41–46]. Один из самых полных вариантов, записанный в 4 частях у исполнителя Хапаго Ашхотова, насчитывает 71 поэтический стих [Андемыркъан 2002: 37].

Согласно распространенному мистическому поверью, всякий, кто исполнит все семь частей, непременно умрет. По данной причине получилось так, что среди множества записей песни о данном герое, нет ни одного варианта, в котором были бы представлены все семь частей. З.П. Кардангушев, один из лучших знатоков адыгского фольклора и страстный собиратель, даже считает, что семь глав – это просто легенда [Андемыркъан 2002: 29]. Можно предположить, что в процессе устного бытования спонтанно произошли структурно-композиционные трансформации, в результате которых план содержания существенно не пострадал, но число частей формально уменьшилось. Однако и в таком случае обе записи Ш.Б. Ногмова надо признать не иначе, как фрагментами. Тем не менее, на их основе можно попытаться установить основные тенденции сохранения и варьирования поэтического текста. Одновременно есть возможность апробировать принципы транслитерации текстов и принципы научно-аналитического перевода и составления комментариев. За основу были взяты материалы из упомянутого издания, подготовленного Г.Ф. Турчаниновым, но мы постарались адаптировать и текст, и перевод к единым принципам нашего Антологического свода адыгского фольклора. Приводимые ниже тексты с переводом и комментариями могут послужить опорой для более глубокого специального исследования названной проблемы.

В целях большей наглядности мы выделяем курсивом в текстах те фрагменты, которые представляют собой устойчивые сочетания, не подвергшиеся существенным изменениям в записях более позднего времени. Подчеркиванием обозначены те фрагменты, которые нехарактерны или единичны в текстах, записанных в XX в. Всё остальное в транслитерации Г.Ф. Турчанинова мы постарались сохранить в неприкосновенности. Случаи, когда это нарушается, обязательно оговорены.

АЙДЕМЫРКЪАН
АЙДЭМЫРКЪАН (1)
АЙДЕМИРКАН
(Вариант 1)

*Уэ, ныжыр<а>ІэнкІэ (2) Айдемыркъанмэ и шхьдэц¹ (3),
И шхьдэ макъыр Іуэщхьэ<махуэ> и къуапэмi нэІусырт.
Ерыстаупхъумэ дышэ хъучІанэхэр² хигъэсырт.
Айдемыркъанмэ и уэрдэунэр дэсиец³.*

*Уэрдэ сэреир⁴ пицыхуэ пэкІупІэти, сэхьжц.
Тхьэи гуцэмэ жор зэфэгугуэрэ къыхисэщ.
Бгыщхьэмэ исми бланэхэр псэугуэрэ зыхуашэ.
Дзэшхуэр къыдешыри сэмэгурабгъумэ рейгъэкІу.
Лпыхуэр зиушхьэкІуу<рэ-?> дэчІыпсымэ къыреч.
Сыхэкъ[І-?]ырасэщ, жеІэри и бзэ дьг[г⁵]ыжъым⁵ къонэцІ.*

*Къэбэрдеишхуэр Ащтырхьэн<ы>дзэмэ шыІушІэмэ,
Уэркъ щауэгуэ чІыгъухэр шхьэж <и> уэнэ-фашкІэ зыдикъурт.
Зыхуримыкъумэ Хьэтыкьуэ ябгэр пикъужырт.
Сыпикъужынщ, жеІэри хьчІыІум и шхьэфэмэ тырихуэрт.
Зауэмэ шыхэхуэкІэ дамыгъэ лиехэр тыричІэрт⁶.
Къэбэрдеишхуэмэ шышхьэгуэрэныр рачІыкІырт.*

АЙДЕМИРКАН

*О, <когда> вести речь, то это об историях Айдемиркана¹
(Букв.: ...если вести речи, то о гневе Айдемиркана)
Его гневный голос вершины горы достигал.
Эристаовых дочь⁷ [женщина родом из Эристаовых] золотые крупинки²
вставляла (вышивку украшала золотыми самородками — ? перев.).*

*Айдемиркана дворец обрушился³
Стена крепостная⁴, место сборищ больших князей, опустела.
Боже, о горе, кресты одинаковые <в ряд> выстроил.
Тому, кто на вершине горы живет, ланей живыми приводят,*

*Войско большое ведет и по левую руку располагает.
У мужа доблестного, оскорбившегося, на латах застежки срывает.
«Я хачираса», говоря, на его лук грозный⁵ заритса.
Когда Большая Кабарда столкнулась с астраханским войском,
Юноши уоркские, что с ним были, каждый своим
седлом-снаряжением был обеспечен.
Кому недоставало чего, Хатуко Суровый был тому опорой.
«Стану опорой», сказав, на морскую поверхность выгоняет.
В сражение вступив, <на теле врага> лишнее тавро он ставил⁶.
Кабарда Большая конное войско густое сломила.*

(Вариант 2)

Уэ, ныжсыра¹Энк¹Айдемыркъаным и ихыдэиц²,
Уэ, и ихыдэри бацэти, абы хуэдэ зыпцири лъыч¹ыскъэмэ.
Уэ, и г'атэ¹ Эпцэр Лъэпцугуэ си къанмэ⁸ къытсыхъц.
Уэ, и жанырыбзэмэ⁹ Ауц-Г'эрг'эмэ¹ Гэ дилъэц.

Шухэр зэдильмэ, лъэрытемьтгугэрэ мэшэс,
Уэ, биймэ цынэск¹Э пшэ гугэрэнгугэрэ мэув.
Уэ, уи хъэгъ<у>хуэгъугуэ г'энэды пицъцауэр епсэх<и>.
Уэ, къэбэрдеидзэр Аштырхъан и дзэмэ шыш[н-?]эсмэ,
Уэркъшауэгугэ чыгъухэр шхъэж хуэфэщ<э>нымэк¹Э зыщышхъут.

Къэбэрдейм шыщхъэгугэрэнгугэ зач¹ыжщ...
Ерыштаупхъ<у>мэ дышэ хъуч¹анэхэр хигъэсыт.
Айдемыркъаным и уэрдэ унэр дэсиец³,
Айдемыркъан и уэрдэ сэрейр сэхыжщ⁴.
Тхъэ зи гъусэ<м-?> жор зэфэгъугугэрэ дыхисэщ¹⁰.

АЙДЕМИРКАН

О, <когда> вести речь, то это об историях Айдемиркана¹
(Букв.: ...если вести речи, то о гневе Айдемиркана),
О, гнев его так велик, что подобного ему князя нет другого.
О, рукоять его меча Тлепи⁸, мой кан, закалил.
О, его лезвие⁹ Ауш-Герге погладил [благословил].
Когда всадники ринутся, <он> вмиг на коня садится,

О, когда до врага доберется, облаком густым оборачивается.
О, его соперником бывший гендийский князь-наездник упокоился.
О, когда кабардинское войско достигло до войска Астрахани,
Уоркские наездники, что были с ним вместе, достойно снаряженные
были.
Кабардинцы лошадиным кругом становятся...
Эристаовых дочь [женщина родом из Эристаовых] золотые крупинки
вставляла (вышивку украшала золотыми самородками – перев.).
Айдемирканов большой дворец разрушен,
Айдемирканово большое подворье рухнуло.
Тем, кто в Боге, кресты одинаковые поставил.

ПРИМЕЧАНИЯ

Оба текста перепечатаются из: «Ш.Б. Ногма. Филологические труды. Т. 1. Исследовал и подготовил к печати Г.Ф. Турчанинов. Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1956. с. 111–117. Тексты были записаны в первой половине XIX в., скорее всего, в конце 30- начале 40-х годов, Ш.Б. Ногмовым / Ногма). При подготовке настоящей публикации в транслитерацию, выполненную Г.Ф. Турчаниновым, были внесены некоторые поправки: уточнено написание отдельных слов, а также в двух случаях внесены исправления в делении на строфы (в варианте 1 после 7-го стиха восстановлен отдельным стихом фрагмент «Сыхэкъыра-сэщ...»; в варианте 2 после стиха 8 выделен отдельным стихом фрагмент «Уэркъ шауэгугэ чыгъухэр...»). В случаях, когда комментарии (в основном лингвистического плана), сделанные публикатором, нуждаются в дополнениях, мы позволили себе дать свои пояснения.

1. Слово *ихыдэ* чаще всего толкуется как *история* (если на месте звука *ш-* стоит *т-*). Однако в большинстве вариантов данный стих представляет устойчивую формулу со словом *ихыдэ* – *брань, гнев*.

2. К толкованию, которое дает Г.Ф. Турчанинов, считаем уместным добавить, что в связи с утратой слова *хъукланэ* в живом кабардинском языке могло произойти переосмысление его утраченного значения, методом истолкования «непонятных форм посредством форм известных» [Де Соссюр 1977: 210]. В данном случае начальное *хъукланэ* можно разделить на семантические компоненты – производящую основу *хъукла-* (предположительно семантически родственно совр. *хъуаклэ/кхъуаклэ – бахрома*) и *-анэ* – суффикс, со значением части чего-либо. Формант *-кланэ* может переосмысливаться как корень слова со значением *кусок, сколок*. Целиком фраза призвана указать на то, что супруга героя жила как настоящие княгини, одним из главных занятий которых было золотое шитье, вышивка, плетение различных аксессуаров из шелковых и золотых нитей.

3–4. В сочетании *уэрдэунэр дэсиец* первое слово в современном языке означает букв. *большой дом, дворец*. В таком случае и *уэрдэ сэрей* надо понимать как *княжеское подворье* или *стена, ограждающая дворец*. Слово *дэсиец* (букв. *уплыл вверх*) иносказательно означает разрушился, ушел в небытие.

5. *Бзэ дыг'ыжьс* (букв. *горькая тетива*) – метафорическое название лука или сагайдака, употребительное в песенных текстах. Перевести троп не удалось, поэтому мы даем прямое значение.

6. Как правило, на боевой лошади и аксессуарах должен был стоять только один знак – тавро, мета хозяина. Исключение составляла лошадь породы *шолох*, которая, независимо от хозяина, непременно обозначалась особым знаком, и он наносился вместе со знаком хозяина. «Лишняя» метка в этом случае – знак лошади с осбыми боевыми свойствами. Однако контексте данной песни это не что иное, как ранение или же сознательно нанесенная зарубка.

7. Согласно стилистическим правилам адыгских языков, женщину иносказательно могли называть по названию ее родовой фамилии с прибавлением слова *дочь*. В данном случае это указание на то, что женщина происходила из знатной грузинской фамилии Эристави. Адыгские (в частности, кабардинские) князья вступали в брачно-родственные отношения только с теми, кого признавали равными себе. Это, например, представители ханских династий Крыма или Ногайской орды, кумыкские шамхалы, грузинские князья т. п. Здесь названием рода супруги героя также делается намек и на его собственное высокое происхождение.

8. В данном контексте слово *къан* употреблено в значении объекта поклонения Тлепшу, языческому покровителю огня и кузнечного ремесла, одному из сквозных персонажей нартского эпоса. Особые почести оказывали ему и кузнецы, и воины, непосредственно имеющие дело с кузнечными изделиями – оружием, доспехами, воинским снаряжением.

9. Слово *жанырыбз* (букв. – *остро-режущее*; субстантивированное прилагательное) в поэтических текстах является метафорой меча.

10. Утверждение Г.Ф. Турчанинова о том, что на борьбу с ненавистным Андемирканом было приглашено грузинское войско, представляется немотивированным. Об этом прямо не говорится в тексте данного варианта. Также ни в более поздних записях песни, ни в преданиях речь не идет о подобном явлении.

* * *

На данном небольшом примере мы не считаем корректным делать широкие обобщения, хотя и представленный материал дает основание отметить, что основной пафос песни за полтора столетия бытования не подвергся изменениям. Также налицо ряд нарицательных и личных имен (Андемиркан, Тлепш, Ауш-Герге, Эристау, иносказательные обозначения оружия и пр.), которые представлены как в позднейших записях, так и в текстах Ш.Б. Ногмова. Практически на уровне синхронных вариантов оказываются отдельные устойчивые формулы, в некоторых случаях довольно пространные. В первом варианте они занимают не менее трети всего объема всего текста, а во втором и вовсе значительно более половины.

Соответственно, в первом варианте доля отдельных слов упоминаемых в тексте лиц и явлений, которые не представлены в записях последующего времени, значительно выше, чем это видим во втором. Думается, это осознанная или же не осознаваемая в полной мере демонстрация различий в фактически синхронно существующих различных вариантах. Следовательно, как во времена Ш.Б. Ногмова, так и в более поздние периоды истории общества могли одновременно существовать варианты, по своему содержанию сравнительно далеко отстоящие друг от друга. Вместе с тем некоторые события (напр., упоминание о походе на Астрахань), имена отдельных лиц (Хатуко Большой), христианская символика и кое-какие другие детали в позднейших записях (за исключением тамбиевской – 1898) уже не фиксировались или же были отмечены единично. Достоинно внимания, что запись, опубликованная П.И. Тамбиевым в СМОМПК-25 через несколько десятилетий после Ш.Б. Ногмова, занимает некое срединное положение между первой фиксацией песни и текстами, которые были записаны в XX в. Это очевидно и по предметному каталогу, в котором соседствуют имена «сквозных» персонажей (Тлепш, Ауш-Герге, Князь Асланбек, Каниболат и пр.) и имена, встречающиеся преимущественно только в ногмовской и тамбиевской записях (Астрахань, Хатуко), а также и по представленности устойчивых формул.

Наши беглые наблюдения требуют более обширного исследования, началом которого они могут послужить.

Источники и литература

1. *Богатырев П.Г.* Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. 544 с.
2. *Андемыркъан.* Налшык: Эльбрус, 2002. Н. 372 (Андемиркан. Адыгский героический эпос. Налчык: Эльбрус, 2002. 372 с.).
3. *Аутлева С.Ш.* Адыгские историко-героические песни XVI–XIX веков. Налчык: Эльбрус, 1973. 228 с.
4. *Гацак В.М.* Эпический певец и его текст. // Вопросы текстологии фольклора. М.: Наука, 1971. С. 7–46.
5. *Гутов А.М.* Поэтика и типология адыгского нартского эпоса. М.: Наука. Восточная литература, 1993. 208 с.
6. *Ногма Ш.Б.* Филологические труды. Т. 1. Налчык: Кабардинское государственное книжное издательство, 1956. 308 с.
7. [*Ногмов Ш.Б.*] История адыгейского народа, составленная Шора-Бекмурзин Ногмовым по преданиям кабардинцев. Тифлис: 1861. 181 с.
8. *Albert V. Lord.* The Singer of Tales. Second edition. Jondon: Harvard University Press, 2000. p. 312.
9. *Налоев З.М.* Героические величальные и плачевые песни адыгов. // Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. I. М.: Советский композитор, 1986. С. 22–23.
10. *СМОМПК* (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 25. Тифлис: 1898. Отд. 3).
11. *Соколов Ю.М.* Русский фольклор. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1941. 540 с.

FIRST RECORD OF THE SONG ABOUT ANDEMIRKAN

Gutov Adam Mukhamedovich, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Adyge Folklore Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), adam.gut@mail.ru

Shora Bekmurzovich Nogmov is the first author in the history of Adyge folklore, who mentions the name of the epic hero Andemirkan as a historical person. He is the first to record a song

about this folk character. In this work, we transliterate records made by the Adyghe educator and first published by Professor G.F. Turchaninov (these are two fragmentary versions of a song about Andemirkan). The texts are accompanied by extensive scientific commentary of a research nature. Again, taking into account the materials of the publication prepared by G.F. Turchaninov, performed structural and analytical translation into Russian in accordance with the principles that were developed for the serial publication of the Anthological Code of Adyghe folklore. Along with this, a vector is outlined here for diachronic analysis of a poetic text: individual words and verbal blocks are established that make up a constant, unchanging, or slightly changing part of the folk text. Verbal blocks and references to phenomena that are uncharacteristic of later recordings are also defined and highlighted in the poetic text. A comparison of the selected categories of words and phrases is designed to determine the degree of stability of the text for a long time.

Keywords: Andemirkan, epic hero, stability of the folklore text, formulas, transliteration, analytical translation.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-2-43-91-97